

РОУЭН КОУЛМАН

РОУЭН КОУЛМАН

Письмо из прошлого

«Письмо из прошлого» — новый роман Роуэн Коулман, автора 12 книг, лауреата Ассоциации романтической литературы и автора бестселлеров по версии *Sunday Times* и *New York Times*. Ее книги отмечены вниманием престижного книжного клуба *Richard and Judy Book Club* и неоднократно получали награды в номинации «Лучший любовный роман года» по версиям различных изданий!

Луна и ее сестра неожиданно потеряли мать: она решила покончить жизнь самоубийством... Девушки получили предсмертное письмо, из которого узнали, что мать всю жизнь хранила одну тайну. Жестокий мужчина, имени которого она не называет, лишил ее чести. От него родилась Луна... Женщина также сообщает о своем ужасном поступке, который стал причиной бесконечных слез, нервных срывов и попыток суицида. Сестры решают съездить в город, в котором мать провела юность, чтобы больше узнать о ее жизни. Это путешествие откроет для них множество тайн...

Письмо
из
прошлого

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4113-8

9 786171 241138

Rowan Coleman

THE SUMMER
OF IMPOSSIBLE
THINGS

A Novel

**EBURY
PRESS**

Роуэн Коулман

ПИСЬМО
ИЗ
ПРОШЛОГО

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2017 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111
К73

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Переведено по изданию:
Coleman R. The Summer of Impossible Things : A Novel /
Rowan Coleman. — London : Ebury Press, 2017. — 432 p.

Перевод с английского *Марии Чайковской*

Дизайнер обложки *Евгений Ухов*

ISBN 978-617-12-4113-8
ISBN 978-1-78503-241-7 (англ.)

- © Rowan Coleman, 2017
- © Shutterstock: conrado, Carlos Grande Lopez, обложка, 2017
- © Hemigo Ltd, издание на русском языке, 2017
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2017

Так вот, иногда мне удавалось поверить сразу в шесть
невероятных вещей еще до завтрака!

Льюис Кэрролл. Алиса в Зазеркалье

Пролог

Оксфордшир, 6 июня 2007 года

Я изменилась в тот момент, когда увидела лицо своей матери — впервые с той ночи, когда ее не стало. Я разрушена, я уничтожена, в один миг собственное тело стало для меня чужим.

Есть теория, что, даже просто глядя на какой-то предмет, можно изменить его природу. Что простой взгляд может изменить Вселенную и ее механизмы на квантовом уровне. Физика называет это эффектом наблюдателя или принципом неопределенности. Понятное дело, что Вселенная будет вести себя как обычно, независимо от того, наблюдаем мы за ней или нет, но я все равно не могу выкинуть все эти мысли из головы, когда у меня перед глазами на стене подрагивает размытое изображение мамы. Одна видеозапись — и все, что я знала, или думала, что знаю, изменилось навеки.

Несколько секунд назад мама сообщила мне и моей сестре, что мой папа, человек, с которым я выросла и которого люблю, — не мой настоящий отец. Весь мой мир рухнул и уже никогда не будет прежним. Но в то же время, как только мама произнесла эти слова, я поняла, что и так всегда это знала. Я всю жизнь подспудно чувствовала, как вырываюсь из общей картины, — это чувство отдавалось эхом в каждом ударе моего сердца, в каждом повороте головы. В моих ярких голубых глазах — единственных голубых глазах во всей семье.

Все, что мне осталось, — наблюдать. Путь проложен, и я на него ступила. Я должна быть в курсе всего происходящего, пусть мой взгляд и не сможет на это повлиять. Это простая физика. Именно в таких переломных моментах и скрыты все тайны Вселенной. Однако во всем мире не найдется формулы, которая выразила бы, что я чувствую, глядя

в лицо женщины, по которой тосковала каждую секунду последние восемь месяцев.

Она сидит в саду в Оксфордшире, рядом с домом, в котором я выросла. Этот же сад прямо сейчас пышно цветет за скрипучей дверью сарая — на розах все еще видны шрамы, оставшиеся после того, как она их обрезала. Азалии, которые она посадила, все еще не раскрылись. Но тот сад, в котором она сидит на пленке, с таким же успехом мог бы располагаться где-нибудь на Марсе — такой далекой она казалась мне в этот момент. Наша мама теперь так далеко — за пределами досягаемости. Навсегда. Светло-серое платье плещется о ее смуглые голые ноги, волосы посеребрены, глаза переполнены светом. Видно старый кухонный стул, на котором она сидит, ее ступни утопают в мягкой траве. Скорее всего, она сделала эту запись поздним летом, потому что кусты рододендрона в цвету и его темные листья лакированно блестят на солнце. Возможно, она сняла это прошлым летом, когда папа наконец вылечился, — в течение нескольких кошмарных недель мы боялись, что у него рак кишечника. А значит, она уже тогда знала, что собирается сделать, — за много месяцев до смерти. Когда я думаю об этом, у меня внутри все сжимается.

— Часы на моей руке все еще идут, — говорит она, и ветер волнуется ее волосы. — Но я в ловушке. По крайней мере, какая-то часть меня. Я как бабочка, которую поймали и приколотили к одной конкретной минуте, к одному часу, ко дню, который изменил всю мою жизнь.

У нее в глазах блестят слезы.

— Все остальные думали, что я живу, как и все, плыву по времени минута за минутой, но на самом деле я не двигалась, жила на повторе, пребывала в анабиозе и все время думала об одном и том же поступке... об одном... выборе.

Ее рука на секунду прикрывает лицо — кажется, она пытается сдержать слезы. А затем сглатывает и успокаивается. Когда ее руки снова опускаются на колени, она уже улыбается. Мне хорошо знакома эта улыбка: она улыбается так, когда пытается быть храброй.

— Мои прекрасные девочки. Знайте, что я люблю вас.

Она говорила нам эти слова каждый день всю нашу жизнь. То, что мы можем слышать их сейчас, пусть даже в сопровождении треска проектора, — это кажется похожим на волшебство. Я хочу поймать их и зажать в ладонях.

Она наклоняется вперед и так внимательно вглядывается в объектив, словно пытается рассмотреть меня по ту сторону. Я невольно отстраняюсь, как будто боюсь, что она может выбраться из экрана и дотронуться до меня.

— Это видео — мое прощание, потому что я не знаю, хватит ли мне мужества сказать вам это лично. Да и хватит ли вообще когда-нибудь. Но это не только прощание. Есть еще кое-что. Это мое послание тебе, Луна.

Она произносит мое имя, и мне кажется, что я чувствую ее дыхание на своей шее.

— Я не знаю, хочу ли, чтобы ты когда-нибудь это увидела и узнала даже малую часть правды. Но, возможно, только так я могу рассказать тебе и Пиа о своей другой жизни, той, которая всегда была со мной, даже когда вы и ваш папа были рядом. В этой жизни время не двигалось. Да, я думаю... сейчас настал подходящий момент, и мне хватит мужества во всем признаться.

Она встряхивает головой, слезы блестят у нее в глазах, а за спиной тени давно погибших пчел кружатся над наперстянками, собирая пыльцу над кирпичной кладкой давно заброшенного здания.

— Очень давно со мной случилось кое-что очень плохое, и я в отместку совершила нечто совершенно ужасное. И тогда в моей жизни появился призрак — он следует за мной, куда бы я ни пошла, вечно попадается мне на глаза и не дает покоя. Я знаю, знаю, что когда-нибудь силы покинут меня и я не смогу больше убежать от него. Когда-нибудь он настигнет меня и отомстит. Этот день наступит очень скоро. И если вы смотрите эту запись... — ее голос вонзился в меня, как нож, — значит, он уже наступил.

Она наклоняется так близко, что теперь мы видим лишь размытую часть ее лица, и понижает голос до шепота:

— Послушай, Луна. Если ты постарайся как следует, то сможешь отыскать меня в Бруклине. Я буду там... там, откуда так и не смогла убежать. Ищи меня в нашем старом доме, в том месте, где я выросла. Там ты найдешь меня и все остальные записи. Луна, если ты постарайся, если захочешь сделать это даже после того, что узнала, то найдешь меня. Он не отпускает меня. Я прошу, пожалуйста, найди меня!

7 июля 2007 года

Расстояние между прошлым, настоящим и будущим —
это всего лишь иллюзия.

Альберт Эйнштейн

Глава 1

Мы путешествуем в пузыре — моя младшая сестра, Горошинка, и я. Скрываемся в тихом прохладном салоне такси с кондиционером, в то время как перед нами с каждым новым поворотом разворачиваются незнакомые, обожженные летним зноем улицы. Мимо проскальзывают мосты и здания, и все они кажутся нам немного знакомыми — словно декорации из сказок, на которых мы выросли, безостановочно растущая карта мира, в котором мы никогда не были, но который все равно вписан в нашу ДНК.

Я часто бывала в Нью-Йорке и видела много фильмов, но Бей-Ридж и Бруклин оказались совсем не такими, как я думала. Пейзаж здесь сплошь состоял из широких дорог и низеньких двухэтажных деревянных домишек. Маленький американский городок, лежащий бок о бок с величайшим городом на земле. Со стороны кажется, что Нью-Йорк всматривается в Бей-Ридж поверх Гудзона и безразлично пожимает плечами.

В раскаленном июльском зное царит атмосфера спокойной уверенности. Ее можно разглядеть даже на лицах людей, праздно блуждающих по извилистым тротуарам. В их взгляде чувствуется врожденная убежденность в том, что это место было создано специально для них. Здесь безопасно, внешний мир на них и не смотрит. Эти люди точно знают, что об их тайнах никто никогда не узнает, — ведь они как никто другой умеют их прятать. Это место, где жизнь, любовь и смерть разыгрываются тихо, не затрагивая

мировую гладь. Иногда даже кажется, что, как только вы пересекаете Бруклинский мост, время начинает идти по-другому. Медленнее.

Это мир, в котором выросла наша мама. И от которого навсегда сбежала. Нам и в голову не могло прийти, что однажды сюда вернемся именно мы. Официально мы здесь для того, чтобы наконец заявить права на ее имущество и продать ее старый, заколоченный и заброшенный дом. Мама владела им совместно с сестрой, но они не разговаривали тридцать лет. Когда вокруг этого дома вращался весь ее мир.

Но на самом деле — и это большой секрет! — мы прибыли сюда, потому что нас попросила об этом мама. Она попросила нас найти какие-то зацепки о моем настоящем отце, хотя один факт его существования казался мне сущим бредом.

— Она могла и ошибиться, — сказала Горошинка сразу же, как только закончилась пленка. Пыль все еще встревоженно кружилась в луче отцовского проектора, который мы тайком стащили. — Я имею в виду, момент был трудный, вот она и нафантазировала. И высказала всю эту жуть, не подумав, вот и все.

— Да, — медленно проговорила я. Ее слова пропитывали меня, проникая в каждую клетку. — Да, может быть, и так... но...

Я взглянула на сестру и тут же поняла, что и она наконец-то заметила то, о чем я всегда знала. Мои яркие голубые глаза. Единственные голубые глаза во всей нашей семье. Во всех поколениях.

— Но ты все равно должна выяснить, правда это или нет, — закончила за меня Горошинка. — Они так любили друг друга, особенно тогда, когда она уехала из Бруклина и бросила свою семью, только чтобы быть с папой. Не верю, что мог быть какой-то другой мужчина, в этом просто нет смысла... но даже если он был, это ничего не меняет! Ты — это все равно ты. Ты все равно все та же Луна и всегда ею будешь!

Откуда ей знать, что я всегда чувствовала себя немножко чужой в собственной семье? Всегда чувствовала, что

выбиваюсь из общей картины. И мамыны слова странным образом расставили все на свои места.

Папа тоже хотел поехать с нами, но мы уговорили его остаться. Даже сейчас, спустя много месяцев, он не пришел в себя после смерти мамы. У него все еще прыгало давление, и врачи посоветовали ему воздержаться от перелетов. О пленке мы ему не сказали, хотя и могли бы. Думаю, я просто понимала, что эта новость его ранит. Поэтому мы убедили папу остаться дома, под опекой друзей, и предоставить нам возможность разобраться со всеми бумагами. А еще, возможно, раскрыть парочку секретов и получше узнать ту часть меня, которая была так похожа на маму и искренне верила, что найдет ее в Бруклине.

Ее сестра, Стефани, хотела продать дом сразу же, как только их отец, наш дедушка, умер в тысяча девятьсот восемьдесят втором году. Наш почтовый ящик был до отвала забит письмами от адвокатов. Я не знала, о чем в них идет речь, но видела, как от одного только вида конверта со штемпелем авиапочты мамыны руки начинали дрожать. Она отказывалась продавать дом и была непреклонна. У нее были на то причины, мы их не знали, но какими бы они ни были, возможно, все дело было в том, что она хотела завещать свою половину дома Горошинке и мне. И вот теперь, именно в тот момент, когда это было так нужно, мы могли получить много денег.

Съездить в Бей-Ридж, выставить дом на торги — и вырученных средств хватит, чтобы поставить мою сестру на ноги, и на этот раз навсегда. А я, возможно, смогу найти здесь ответы на вопросы, которые всегда меня мучили, пусть даже я и не знала наверняка, что это за вопросы.

Пиа, или Горошинка, — я называю ее так с тех пор, как она появилась на свет, — очень нервничает, ее пальцы подрагивают на коленях, ногти обломаны и обкусаны, а костяшки сбитые и припухшие, но не после драки на кулаках, а после самой настоящей битвы. Эти шрамы — результат отчаянной битвы с желанием напиться или наглотаться

таблеток. На ее счету двадцать четыре года жизни и восемь недель трезвости. В прошлый раз ей удалось продержаться восемнадцать месяцев. Я уже думала, что она смогла себя перебороть, но затем внезапно умерла мама, и это стало для нас ударом. Я боролась за Горошинку изо всех сил, пыталась спасти ее от цунами горя и ужаса, которое двигалось напрямиком на нас, грозясь раздавить. Тогда моих сил не хватило.

Но на сей раз я не подведу свою сестренку.

Я смогу ее уберечь. Если я сосредоточусь на *реальности*, на том, что действительно важно, я смогу ее спасти.

Я удерживаю камеру на бедре и сжимаю ее подрагивающую руку. Горошинка оглядывается и смотрит на меня сквозь розовые очки в форме сердечек, которые купила в аэропорту. А потом опускает взгляд.

— Зачем ты вообще взяла с собой это старье? — Она кивает на старенькую отцовскую камеру «Pentax», ту самую, в объектив которой он впервые увидел нашу маму. — На eBay за нее и пятидесяти фунтов не дадут. Однажды я уже пыталась ее продать. Теперь, знаешь ли, все снимают на цифру.

— Да я знаю, но это ведь больше чем просто камера, это... память. Маленький кусочек маминой и папиной истории. К тому же мне нравится снимать и смотреть на мир в объектив. Я подумала, что могла бы поснимать в тех местах, где снимал папа, воссоздать для него его же фотографии. Пусть он и не смог поехать с нами, зато его камера смогла. Я подумала, что ему это понравится.

— Понравится, — кивнула Горошинка. — Ты должна была стать фотографом, а не ученым, ты слишком творческий человек, чтобы быть ученым.

— Я физик, — напоминаю я. — Многое из того, что я делаю, — это искусство. Как ты себя чувствуешь?

— Как будто мне прямо очень-очень хочется набухаться, или накуриться, или все сразу, — говорит она. — Но потом я просыпаюсь, и все как всегда. Ничего нового.

Несколько мгновений мы едем в тишине.

— А ты как? — наконец спрашивает она. — Я имею в виду... *на самом деле*.

Я не знаю, что сказать, потому что, если говорить начистоту, придется выложить, что я охвачена горем и яростью, напугана, потеряна, ни в чем не уверена и никак не могу восстановить равновесие. Я молчу. Наша мама умерла, наглотавшись таблеток. Столько лет наш мир вращался вокруг ее депрессии, и мы не смогли вовремя заметить, что происходит, не смогли ее спасти. Я не могу себе этого простить. Кроме того, с недавних пор меня преследует странное чувство, будто у меня внутри поселился кто-то чужой и этот чужой — я сама, какая-то больная версия меня, с которой я не ощущаю никакого сходства, и это меня очень бесит.

— Это будет несколько тяжелых дней, — говорю я вместо всего этого, тщательно подбирая слова. — Я всегда думала, что однажды мы вернемся сюда все вместе, ты, я и мама с папой. Всегда думала, что все это кончится, разрешится как-нибудь, ей станет лучше и она будет наконец счастлива. Но я никогда не думала, что в итоге она...

— Покончит с собой, — заканчивает за меня Горошинка.

— Боже... — Я опускаю голову, чувствуя, как к горлу подкатывает знакомое тошнотворное чувство вины. — Как это может быть? Как это все может быть правдой? Я и подумать не могла... Но должна была! Я должна была... но ей ведь стало лучше, она похорошела, стала спокойнее. Я не имела права расслабляться.

— Может, это и хорошо, — заметила Горошинка, — что *мы* ничего не сделали.

— Как ты можешь так говорить?!

— Могу. Потому что она просто устала притворяться. Все наше детство она улыбалась — ради нас, ради папы. Она совсем измучилась, но терпела, потому что любила нас. Я не пила целый год, ты получила докторскую степень и собиралась переехать к Брайану. Папа узнал, что не болен раком. Ты не понимаешь? Она подумала, что, раз теперь у нас у всех все хорошо, она может наконец-то уйти.

Не понимаешь, что именно поэтому она казалась счастливее? Просто почувствовала, что скоро всем этим мучениям настанет конец.

Я не знаю, что на это ответить, поэтому молчу.

— Виделась с Брайаном? — Горошинка с легкостью перескакивает с одной невыносимой темы на другую.

— Нет, — качаю я головой. — Но я рада, что мы с ним не виделись. Он не тот человек, с которым хочется общаться, когда у тебя... сложный период.

Горошинка фыркает.

— Сложный... Да уж, наша мама покончила с собой — тот еще «сложный период». Беру свои слова назад, ты прекрасный ученый, анализировать — так до последнего!

Возможно, боль, причиненная ее словами, проступает у меня на лице, потому что она тут же снимает очки и наклоняется ко мне.

— Я не это имела в виду, прости, — говорит она. — Влюбом случае хорошо, что ты узнала, какой он хлюпик, прежде чем выскочила за него замуж. Всегда важно знать, что человек не сбежит от тебя в трудный момент, а он, ну... сама понимаешь.

Да уж, понимаю. В день маминых похорон я узнала, что Брайан уехал в отпуск в Озерный край с другой женщиной. Это ранило меня, однако не так сильно, как должно было. А ведь мы, в конце концов, два года были вместе и даже собирались пожениться. Но я пребывала в таком оцепенении, что это мелкое предательство каким-то образом просто прошло мимо меня. И только когда я ушла от Брайана, поняла: как бы он мне ни нравился и как бы я его ни уважала, все равно никогда не любила, и он прекрасно об этом знал. Когда я перебираю в памяти наше прошлое, начинаю сомневаться, что и он меня любил. Я скорее очаровывала его, была нетипичной женщиной, аномалией, нейробиологом, и ему это нравилось. Я занималась самой точной из наук и была твердо уверена в том, что пол в этом деле не помеха. Пусть даже бóльшая часть того мира, в котором я жила, и была уверена в обратном.

Теперь я знаю, что тянулась к нему, потому что мне казалось, что он меня понимает. Я думала, что мы с ним на одной волне, но это было не так. Ему нравилось не то, что мы похожи, ему нравилось копаться в том, в чем мы были не похожи. К тому же, возможно, все стало намного хуже после того, как я раскрыла ему свою тайну. Не стоило этого делать. После смерти мамы со мной начало происходить нечто странное. В последний раз такое было только в глубококом детстве. Я все чаще и чаще стала видеть... очень странные вещи.

Невероятные. Вещи, которых быть не может.

Глава 2

У тебя нет времени сходить с ума — вот что я себе повторяю. Ты нужна слишком многим людям. Поэтому давай просто не будем дурить. Не надо. Это жестко, но другого выхода у меня просто нет. За помощью обращаться бессмысленно. Новости о том, что у меня проблемы с психикой, облетят научное сообщество за несколько часов. И без того сложно работать в этой сфере, будучи женщиной, к тому же женщиной, которой нет и тридцати лет. Не хватало еще нового повода поставить мою компетентность под вопрос. «Чокнутая с чердака» — вот как они будут называть меня за спиной. Если у меня найдут какое-то расстройство, Брайан уже сказал, какие лекарства мне при этом могут назначить и что они со мной сделают. Они лишат меня способности думать и анализировать.

Даже если это не безумие, а просто побочный эффект какой-то болезни... что ж, у меня все равно нет времени болеть. Лучше просто не думать об этом, придерживаться веры во власть разума над материей. Или антиматерией. Физики поймут. Это смешно.

Нет, со мной все в порядке. Такие моменты бывают, они быстро приходят и так же быстро уходят. Это не более чем вспышка солнечного света на стекле. Если ситуация ухудшится, я подумаю обо всем этом снова, но пока что все

хорошо. У меня нет никаких голосов в голове. Брайан считает, что это какой-то особый вид эпилепсии, и даже хотел запихнуть меня в аппарат МРТ, но я не позволила, потому что не хочу узнать что-то такое, на что нужно будет как-то реагировать. Однажды он рассказал мне историю о парне из Франции, который мучился из-за крошечных, но совершенно безжалостных спазмов головного мозга, из-за которых жил в постоянном состоянии дежавю, как будто снова и снова переживал каждый момент прожитой жизни. Во вселенной внутри нашей головы куда больше загадок и тайн, чем в той, которую я пытаюсь постичь всю свою жизнь, и в то же время я понимаю, что на базовом уровне эти вселенные ничем не отличаются. И я не позволю каким-то таблеткам разорвать мою связь с тем, что по-настоящему важно.

Сосредоточься на том, что нужно сделать. Сосредоточься на том, что происходит, на каждой секунде, на окружающей жизни. Сосредоточься на Горошинке, на том, что она здесь, с тобой. На том, что нужно сделать. Я стараюсь как можно чаще смотреть на мир через объектив папиной камеры, потому что — и у меня нет объяснения почему — эти... моменты... не происходят, когда я смотрю в объектив. Как будто он отфильтровывает иллюзии.

Так что сосредоточься. Немедленно.

У тебя действительно нет времени сходить с ума. Потому что мы только что прибыли на место.

Наше такси замедляется и останавливается перед пансионом — единственным местом, где мы могли бы остановиться, решив отправиться в эту поездку. Именно в этих декорациях разыгралась история любви моих родителей. Именно в этом месте остановился и мой отец, когда в рамках своего первого фриланс-проекта по фотографии впервые приехал в Бей-Ридж в компании со съемочной группой и актерами фильма «Лихорадка субботнего вечера». Это был первый и последний фильм, на съемках которого он побывал, снимая все, что происходит за кадром. Когда мы с моей младшей сестренкой были детьми, то видели этот

фильм по меньшей мере тысячу раз, хотя на самом деле нам было рановато его смотреть.

— Мама с папой наверняка миллион раз бродили по этим улицам, — говорит Горошинка, когда мы выбираемся из такси и потягиваемся, поднимая руки к небу и разминая наши уставшие, затекшие во время поездки тела. — Они могли целоваться прямо здесь, вот на этом тротуаре, под этим деревом... Эй, а это не *то* дерево?

— Да нет, не та улица, — отзываюсь я. Я знаю точное расположение знаменитого дерева, потому что оно — первое в списке тех мест, которые я хотела разыскать. Я хочу узнать, живо ли еще это дерево, и сфотографировать вырезанные на стволе имена мамы и папы.

Пока Горошинка расплачивается за такси, я подношу камеру к глазам и пытаюсь воспроизвести один снимок из папиных альбомов. Раньше я частенько его разглядывала.

Тогда это заброшенное здание было аккуратным и красивым, гордым и дисциплинированным — это проявлялось даже в том, как аккуратно цветы герани торчали из горшков. Теперь же пансионат миссис Финкл выглядит уставшим и сгорбленным. Некогда чистая бело-голубая краска на стенах местами отслоилась и потрескалась, голубой превратился в серый, а белый пожелтел, точно зубы курильщика. Но, несмотря на это, в воздухе витает любовь — этот дом все еще кто-то любит. Я опускаю камеру, и внезапно в кадр попадает то, чего нет на папиной оригинальной фотографии, — статуя Девы Марии. Она кособоко стоит на подоконнике у двери. Краска на ней почти полностью выцвела, благостно сомкнутые руки потрескались и побились, а глаза побелели и ослепли. В объективе или вне объектива, кажется, она вполне реальна.

— Луна и Горошинка, верно?

Не кто иной, как миссис Финкл, распахивает перед нами парадную дверь и вылетает на верхние ступеньки. Я ожидала увидеть домашний халат и бигуди, но ошиблась. Миссис Финкл — поистине элегантная дама. Похоже, она когда-то была блондинкой. Ее волосы все еще блестят, но теперь

они совсем седые и она закалывает их за ухом. На ней белая рубашка и легкие джинсовые капри, она скорее Лорен Бэколл¹, чем миссис Финкл, — и эта мысль вызывает у меня улыбку. Мне нравится ошибаться. Ошибки ведут к чему-то более интересному, чем чувство собственной правоты.

— Здравствуйте, — говорю я в ответ. — Мы — Луна и Горошинка Сенклер.

— Ну наконец-то! — Она легонько и с удовольствием хлопает в ладоши, сбегает со ступенек, подлетает ко мне и обнимает так крепко, что камера впивается мне в грудь. — Дай же мне посмотреть на тебя!

Миссис Финкл отступает, удерживая меня за плечи, и ее ореховые глаза внимательно изучают мое лицо.

— Ох, я вижу ее в тебе, в самом деле вижу! У тебя ее нос и ее уши, а эти волосы... Знаешь, когда твоя мама уехала, я уже не думала, что когда-нибудь снова ее увижу, но вот же она, в тебе, ох, да и в тебе тоже!

Она отступает от меня и с не меньшим энтузиазмом заключает в объятия Горошинку. Я ловлю себя на мысли, что уже люблю эту женщину. Люблю за то, что она ничего не сказала про мои голубые глаза и не стала гадать, от кого я их унаследовала. Но больше всего — за то, что, по ее словам, я похожа на свою красавицу мать.

— А у тебя такая же безумная прическа, как и у твоего папы, — продолжает миссис Финкл, с нежной улыбкой разглядывая облачко кудряшек вокруг головы Горошинки. Они должны были быть темными, как у меня, но она сделала все возможное, чтобы вытравить из них весь цвет. — Но я вижу ее в тебе тоже! Марисса Люпо всегда ходила высоко подняв голову. Ее подбородок всегда был чуть выше, чем у всех остальных людей. И твой тоже!

— Правда? — Рука Горошинки взлетает к подбородку, она улыбается. — Клево!

¹ Лорен Бэколл — американская актриса, признанная Американским институтом кино одной из величайших кинозвезд в истории Голливуда. (Здесь и далее примеч. перев., если не указано иное.)

— Так, ну что же мы стоим? Заходите, заходите! Ну и жара!

Горошинка подхватывает свою сумку и устремляется за миссис Финкл — по тщательно выметенным ступенькам, мимо Девы Марии.

— В этом году просто нечем дышать, такого кошмара не было с тех пор, как... что ж, я предполагаю, с того самого года, когда сюда приехали все эти киноделы и ваш папа. Да уж, жара тысяча девятьсот семьдесят седьмого... *что* был за год!

Чувствую легкий спазм в голове — это всегда первый признак того, что должно что-то случиться. А затем понимаю, что за мной кто-то наблюдает, ощущаю, как чей-то взгляд скользит по моей коже. Я могла бы отвернуться, просто войти внутрь и проигнорировать зуд, но это не выход. Есть только один способ отделаться от галлюцинации — посмотреть на нее. И когда Горошинка поднимается следом за миссис Финкл, я оборачиваюсь и смотрю. Обыскиваю взглядом пустую улицу. В конце дороги в ореоле желтого солнечного света вижу молодую женщину. Она смотрит прямо на меня. Свет плещется и пляшет, она расплывается и тает. Я вижу ее всего долю секунды, а затем она исчезает, и на ее месте видно лишь холодную голубую тень. Я жмурюсь и чувствую, как в голове все плывет, а колени подкашиваются. Чувствую себя так, словно кто-то прошелся по моей могиле. Мама часто так говорила. Я поднимаю камеру и смотрю в объектив на то же место, но улица уже опустела.

Сосредоточься. Сосредоточься на том, что есть здесь и сейчас.

— Луна, что ты там делаешь? — нетерпеливо зовет меня Горошинка. Я знаю, что это код. Это означает: «Ну-ка быстро иди сюда и спаси меня, я не знаю, о чем говорить с этой теткой!» Последний взгляд на пустой тротуар, и я поднимаюсь вслед за ней по ступенькам.

Наша квартирка располагается на последнем этаже. Граница между территорией самой миссис Финкл и владениями ее гостей четко отмечена чередой фотографий в рамках — там, где заканчивается она и начинается чистая, выкрашенная в белый цвет лестница. Квартирка яркая и светлая:

одна маленькая спальня, ванная и гостиная на все случаи жизни с раскладным диваном и мини-кухней.

— Полагаю, ваш отец упоминал, что я и раньше сдавала жилье, — говорит миссис Финкл. — Две комнатки и одна ванная, вполне уютно. — Она мило улыбается. — Но теперь людям хочется большего. Обычно у меня не останавливаются туристы, потому что туристы не приезжают в Бей-Ридж. Чаще всего у меня снимают комнаты молодые люди, которым нужно дешевое жилье и в таком месте, откуда легко добираться до работы. Я была так рада, когда вы позвонили. Моя последняя постоялица съехала со своим бойфрендом, и я уже собиралась развешивать объявления. Чувствую руку судьбы в том, что у меня будут жить девочки Мариссы и Генри. Я так любила их обоих.

— Папа всегда очень хорошо о вас отзывался, — говорит Горошинка, и это чистая правда, хоть она и не упоминает папины мелодраматичные истории о том, как миссис Финкл влюбилась в юношу, который снимал у нее жилье, и соблазнила его с ловкостью истинно роковой дамы. — Единственное, о чем он жалеет, — это то, что не смог увидеть вас лично. Думаю, он, после того как всю жизнь носился по земному шару, снимая великих и прекрасных мира сего, рад наконец-то просто побыть дома, посидеть в своем саду и поболтать со шмелями.

— Я так расстроилась, когда узнала о вашей маме. И что не увижу Генри снова, — говорит миссис Финкл с загадочной улыбкой. — Это было веселое время! Съемочная команда, актеры, съемочный процесс... Да уж, в тот год на Бей-Ридж просыпалась щепотка звездной пыли! И мне так нравилось чувствовать себя частичкой всего этого. Знаете, однажды в мой дом чуть было не заявился Траволта!

— Правда? — На лице Горошинки расплывается широкая улыбка. Ее любовь к объекту самого первого крупного фотографического проекта папы просто не знает границ. Было время, когда стены ее квартиры сплошь покрывали копии в рамках всех папиных снимков с площадки «Лихорадки субботнего вечера». — И он остался здесь?

— И хорошо, что нет! — Миссис Финкл прижимает обе ладони к груди. — Я тогда просто потеряла голову: такой мужчина, такой красавец! Просто Микеланджело в голубых джинсах... Что ж, располагайтесь. Можете заходить ко мне так часто, как захотите. Или так редко, как захотите. Я бы предпочла первое, но, думаю, у вас есть много дел — столько всего нужно сделать и увидеть. Вы хотите наконец продать дом Люпо?

— Да, таков был план, — говорю я. — Кажется, настал подходящий момент.

— И правда, — кивает миссис Финкл. — Это место уже так давно заброшено и разрушается... Такое чувство, что в тот день, когда ваша мама ушла, время в нем остановилось. Теперь, когда я вспоминаю об этом, то понимаю, что и ваш дедушка прожил там всего пару лет после того, как она ушла. Но все эти тридцать лет всякий раз, когда я смотрела на этот дом, мне казалось, что вижу ее там. Вижу, как она стоит, облокотившись на перила пожарной лестницы, курит и ждет кого-то. Ждет и курит. Рада, что теперь ей уже никого не нужно ждать.

Глава 3

— Можешь себе представить, как она гуляла по этим улицам? — спрашивает Горошинка, когда мы идем по Четвертой авеню, возвращаясь после позднего ужина, во время которого ели гамбургеры и картошку фри. — Молодая, сексуальная, как на тех папиных фотографиях, где она в коротеньких шортиках и в туфлях на высокой платформе. Она в то время была просто некто.

— Могу, — отзываюсь я, думая об одном конкретном снимке, самой первой фотографии мамы, которую сделал отец и которая в этот момент покоится в заднем кармане моих джинсов.

Маме на ней двадцать лет. Солнечный весенний вечер в Бруклине. Свет пляшет зайчиками на ее загорелой коже, тонкие руки прикрывают глаза. Половина лица в тени, но

видно приоткрытые, тронутые блеском губы. На ней полосатая майка без лифчика, шея обнажена — она так непринужденно сексуальна! Для меня подобное кажется чем-то недостижимым. Впервые я наткнулась на это фото, когда мне было двенадцать и я была неуклюжей толстушкой. Я была так поражена и так завидовала легкости, с которой мама себя держала, что стащила эту фотографию со страниц позабытого всеми альбома и с тех пор хранила у себя. После того как мамы не стало, я мгновенно вспомнила об этом снимке и испугалась, что он, наверное, давно потерялся, так как я не следила за ним как должно. Но все же я нашла его на дне обувной коробки, среди старых фотографий и рисунков, которые собирала на протяжении многих лет. С того момента я с ним не расставалась. И когда наступит ночь, я буду счастлива уже тем, что смогу просто смотреть на него, пока не усну, в надежде, что мама приснится мне в том самом месте, где и было сделано это фото.

— Она всегда так красиво одевалась, — говорю я. — Вечно притягивала взгляды.

— Ты бы тоже притягивала, если бы перестала одеваться как подросток, — говорит Горошинка, дернув за подол моей привычной белой футболки. Кроме того, на мне обычные потертые джинсы и одна из моих трех пар «Converse». — Да и выглядеть тоже. Мне неловко оттого, что моя старшая сестра выглядит младше, чем я. Тебе стоит больше пить, курить, не знаю... делать то, что положено делать в твоём возрасте!

— Я одеваюсь так, потому что при моей работе чем меньше мужчины видят в тебе женщину, тем лучше. Я не виновата в том, что выгляжу моложе своих лет. Нет ничего веселого в том, что тебя постоянно просят предъявить документы, когда тебе уже двадцать девять лет!

Горошинка внезапно останавливается посреди улицы.

— Луна, я не могу поверить, что ее больше нет. Как это может быть? Как она могла бросить нас вот так? Я в это просто не верю. Как вообще вышло, что она хотела умереть, а мы этого не замечали? И знаешь, что пугает меня больше

всего? Что однажды это случится со мной. Что я тоже устану бороться с жизнью и боль будет такой острой, что мне легче будет покончить с собой, чем продолжать жить ради тех, кто меня любит. Ты... ты больше похожа на папу, все так говорят. И плевать мне, что он тебе не родной, он вырастил тебя, ты такая же, как и он. Но я... я похожа на нее. Луна, а что, если однажды это случится и со мной?

— С тобой этого никогда не случится, — обещаю я. — Я не потеряю еще и тебя. Просто знай это. Я сделаю все возможное, чтобы тебя уберечь.

Я не говорю о том, что на самом деле я тоже боюсь стать тем, кто устал бороться. Миг сомнений тает, как облачка, закрывшие луну, и у моей взбалмошной сестры тут же открывается второе дыхание. Она взбегает по ступенькам, ведущим к парадной двери миссис Финкл, но тут же снова спускается вниз.

— Нам нужно пойти туда. Давай ходим. Сейчас же.

— Куда ходим? — Я всегда на шаг позади и просто не успеваю за ее мыслями, рождающимися со скоростью света.

— В мамину квартиру. Ведь ее дом совсем рядом, так? Давай пойдем туда, посмотрим, разведем. Ну же, я все равно не смогу уснуть, мне нужно сделать что-нибудь! Мы могли бы пойти туда и увидеть ее наконец.

Начинается зуд. Спазм волной прокатывается вверх по ногам, и я отворачиваюсь от нее, каким-то образом умудряясь удержать равновесие.

— Я не хочу сейчас идти туда, — говорю я.

— Но почему, мы же просто прогуляемся?

— Потому что... — Даже если бы я хотела объяснить, что за чувство меня охватило, все равно не могу. Это страх вперемешку с уверенностью, что случится что-то плохое. Не знаю, почему это здание пугает меня, тем не менее это так.

В моем воображении это унылое, пустынное место, почерневшее и гниющее. И меня почему-то крепко задевает эта ужасная, нелепая идея. Уверенность в том, что мама все еще там, в ловушке. Зablудившаяся, жаждущая найти

выход, лихорадочно гремящая оконными шпингалетами и дверными ручками. И если я пойду туда прямо сейчас, то, боюсь, увижу, как она выглядывает из-за досок на заколоченных окнах.

Вздыхаю и крепче вжимаюсь подошвами в землю. Сосредоточься на том, что происходит сейчас!

— Может быть, чаю? — спрашивает миссис Финкл, открывая дверь, и я рада, что могу переключиться на нее, даму в длинном шелковом пеньюаре, с изящными руками, уни-занными кольцами, сверкающими в свете уличных фонарей.

— Миссис Финкл! — Горошинка вскидывает брови и улыбается мне.

— Я вовсе не шпионю за вами, — заверяет нас миссис Финкл. — Просто услышала голоса. Да и к тому же я все равно не могла уснуть. У меня где-то был ромашковый чай. Заходите, выпьем чаю, и я буду мучить вас историями о ваших родителях, пока вы не станете умолять меня дать вам немного поспать.

— Клево, давай, Луна, чай! — Горошинка хватается за перила обеими руками и взлетает вверх по ступенькам.

— Я хотела только... — Я не знаю, что сказать. — Мне нужна минутка.

— Ладно. Оставлю ключ рядом с Девой, — говорит Горошинка, и миссис Финкл отступает, пропуская ее внутрь.

— Я присмотрю за твоей сестренкой, — говорит она мне. — Не спеши, дорогая.

Город наконец затихает. Теперь остались только я и половинка луны, той самой, в свете которой папа часто про-вожал маму домой. Той самой, которая видит все как есть, неприкрыто, и никогда не меняется.

Я думала, что электричество в моей голове уже поутихло, но тут оно внезапно оживает и освещает всю меня изнутри. Я знаю, что рядом что-то есть. Что-то маленькое, мельк-нувшее на периферии моего зрения. Что-то настолько не-значительное, что самое лучшее — просто не обращать на него внимания и надеяться, что оно само исчезнет. Но

в этот раз я не могу его игнорировать. Не могу, потому что это вызов. Это знак.

Сейчас случится что-то невероятное.

Глава 4

Ореолы света вокруг уличных фонарей внезапно вспыхивают с грозным треском. Я смотрю наверх и вижу, как звезды танцуют у меня над головой. Они горят ярче, чем огни города, лежащего под ними.

Я срываюсь с того места, где стояла, — не знаю почему, просто срываюсь. Хватаюсь за железные перила, и мне кажется, что мои пальцы проникают сквозь железо, я уже не понимаю, что реально, а что — плод моего воображения. Я двигаюсь, но понятия не имею, зачем и почему. Затем я вижу, нет, *чувствую* — куда. И это похоже на удар в живот.

Здание. Мамин дом. Его зубчатый контур врезается прямо в ночное небо, окна слепые и непроницаемые, заколоченные досками. Его опоясывает железный сетчатый забор, увешанный охранными предупреждениями. Я представляла его себе совершенно иначе — темным, разрушенным замком с привидениями. Но на самом деле это место больше похоже на какой-то притон.

Узкий переулок отделяет нашу собственность от других домов в ряду, так что дом стоит немного в стороне от всех остальных — точно одинокий часовой на углу. Заставляю сознание сосредоточиться на нем, пока тело движется к нему, и понимаю, что почти чувствую привкус кирпичной пыли и строительного раствора на языке. До него — всего несколько секунд, но в воображении каждая секунда медленно разрывает меня на части, как будто я оставляю после себя след из крошек сознания.

Вокруг пляшут звенья сетчатого забора, я врезаюсь в них, и мне кажется, что я могу пройти прямо сквозь забор, сквозь асфальт, грязь и даже лежащую под ней глину. Как только я в панике думаю о том, как неплохо было бы найти в заборе дыру и пролезть внутрь, чудесным образом происходит

именно это, потому что в следующий миг я кубарем скатываюсь с холма в узкий переулок, врезаюсь в стены и сдираю плечи и локти. А затем земля исчезает, и я, шатаюсь и спотыкаясь, протискиваюсь в узкую щель между зданиями и натываюсь на крошечный квадратик асфальта прямо перед боковой дверью. Спустя мгновение, которое, по ощущениям, длилось миллион лет, мои колени подгибаются, и я тяжело опускаюсь на землю. Поднимаю голову и смотрю на узкую полоску неба между стенами зданий. Не уверена, реально все это или происходит в моей голове, но в этот момент я вижу, как оно разверзается и из него вырывается пламя. Я чувствую привкус сажи — за секунду до того, как меня накрывает огонь.

Глава 5

Все та же луна.

Эта мысль бегущей строкой проносится перед моими закрытыми глазами.

Не знаю, как долго я была без сознания и что вообще произошло, но, по крайней мере, я рада, что жива. Я прижимаю руки к груди и чувствую, как бьется сердце — быстро, рвано, но все-таки бьется.

Лежу еще секунду и начинаю ощущать холодок бетона под лопатками и ягодицами. Должно быть, я лежу так уже довольно давно. По мере того как дурман рассеивается, я чувствую, как жилы на моей шее начинают протестующе ныть, так неудобно я вывернула голову. Вернуть ее в нормальное положение — это больно, но другого выхода нет. Горошинка, наверное, переживает, куда я пропала. Мне и самой хотелось бы знать.

Может, случившееся — это знак, что мне наконец нужно показаться врачу?

Я очень осторожно и медленно открываю глаза, с усилием приподнимая веки, и ищу взглядом ту самую полоску ночного неба. Какая-то часть меня боится, что, когда я взгляну на него, окажется, что оно-таки поглотило меня, и я увижу не небо, а лежащую внизу сеть бруклинских улочек. Когда

я вижу, что небо — там, где ему и положено быть, у меня вырывается вздох облегчения.

Я сажусь, и мне сразу становится легче, а затем прислоняюсь спиной к боковой двери — жду, когда кровь перестанет стучать в ушах и висках.

Если честно, с тех самых пор, как не стало мамы, я в любой момент готова была сломаться. Я помню тот момент, этот жуткий телефонный звонок от папы. Его собственное горе так тяжело наполняло слова, что они казались какими-то неправдоподобными. Тот момент стал своего рода осью, рычагом, на котором с тех пор балансировала моя жизнь. И, может быть, теперь, после просмотра той пленки, я уже не гнусь под тяжестью этой потери, а просто сломалась.

— Мы приносим извинения за технические неполадки, нормальная Луна вскоре вернется в эфир, — шепчу я, и звук собственного голоса действует на меня успокаивающе. По крайней мере, я сама все еще существую.

Я отдыхаю еще минутку и вдруг слышу голоса двух детей, идущих мимо по улице. У них такой сильный акцент, что я не могу понять, на каком языке они говорят. Возможно, на... испанском? Медленно, по мере того как мой взгляд начинает фокусироваться, я наконец замечаю небольшие, но существенные различия между тем, что я видела (или думала, что видела), и тем, чем оно было на самом деле — чем бы оно ни было — до того, как оно меня вырубил. Я могла бы поклясться, что по пути вниз врезалась в гигантские мусорные баки, а теперь их нет. Их место занимает пара старомодных контейнеров слева от меня, переполненных гнильем и всяким мусором, — его едкая вонь терзает мой нос. Кто бы ни забивал эти ящики мусором, он не сильно переживал насчет дальнейшей утилизации. Я отворачиваюсь от вони, и тут на меня снисходит озарение, что стук, который я слышу, исходит не из моей головы, а из маминого дома.

Действительно, по ту сторону ярко-зеленой двери слышен медленный, но устойчивый и ритмичный барабанный стук. По мере того как головокружение сходит на нет, я вижу, что забор, который, как мне казалось, окружает здание,

вовсе не здесь, а проулок, заполненный гнетущей темнотой, широко распахнут мне навстречу. Я вглядываюсь в него, и в это время мимо проезжает автомобиль. Он выглядит старым, даже винтажным, таким, какой можно было бы увидеть на вершине холма во время автомобильной погони из телесериала «Старской и Хатч». Его выхлоп разносится по дороге, стекла на окнах опущены, и голоса парней, сидящих внутри, вырываются изо всех щелей — они кричат и свистят какой-то девушке, которую я видеть не могу.

Я снова оборачиваюсь к зданию и пытаюсь определить место, откуда доносится стук. Первый этаж. Гнев пригвозждает меня к месту. Это не их дом, это *ее* дом!

Выбора нет, придется войти внутрь. Когда я иду к двери, мои конечности кажутся одновременно и слабыми, и налитыми свинцом.

На двери странный латунный молоток в форме львиной головы и ручка, которая раньше, похоже, была на внутренней двери. Дверь не заперта. Сколько бы тетя Стефани ни платила охранной фирме, чтобы за этим местом присматривали, она явно переплачивает.

Две яркие полосы флуоресцентного освещения рассеивают мрак во всех углах того, что, как мне кажется, было мастерской. Я удивлена, что взломщикам удалось подключиться к питанию. Пока я стою там и осматриваюсь, на меня накатывает волна эмоций: мама часто рассказывала нам истории о том, как росла в этом месте и как ее мама в детстве учила ее работать на швейной машинке, точно так же, как она сама учила меня в том же возрасте.

Удивительно, но, пока я осматриваюсь, замечаю обрывки материалов — ярко-оранжевый и темно-фиолетовый цвета, ткани и нашивки — они по-прежнему покоятся на специально построенных для них стеллажах.

На длинном столе стоят две швейные машинки — от них отражается свет. Они такие блестящие, что я невольно задумываюсь: а вдруг они все еще работают? Похоже, когда тетушка Стефани выезжала отсюда в начале восьмидесятых, то решила оставить дом точно в таком же состоянии, в каком

он и был, — законсервированным во времени памятник... может, даже мемориалом.

Я пробираюсь ближе к лестнице — там звуки «Hotel California»¹ звучат еще громче.

Всплеск адреналина подталкивает меня, я поднимаюсь по лестнице и толкаю дверь в комнату, откуда звучит музыка. Там около шести человек, и все они оборачиваются и смотрят на меня. В тот же миг я внезапно понимаю, что здесь происходит, и громко смеюсь, потому что меня накрывает волна облегчения. Эти люди не наркоторговцы и не любители прогрессивного рока, они молоды, моложе меня, возможно, даже студенты, а все это — вечеринка в стиле семидесятых, и их костюмы просто идеально соответствуют эпохе. Все, на что падает взгляд, сияет яркими, насыщенными цветами, как будто я смотрю в объектив своей камеры.

— А ты еще кто, черт возьми? — спрашивает меня невысокий, коренастый блондин. Вызывающе, но с улыбкой.

Я мешкаю, потому что не знаю, что им ответить. Я вломилась сюда, полыхая от гнева, но теперь... все это кажется мне очаровательным.

— Я шла мимо и услышала музыку, — говорю я, улыбаясь и пуская в ход свой английский акцент. — Дверь была открыта, так что я просто поднялась — и все.

Все смотрят на меня с любопытством и замешательством — они не уверены, спалились или нет. Я насчитываю семь человек. Несколько парней пьют пиво из бутылок, а девушки потягивают что-то из белых бумажных стаканчиков — четкая гендерная граница. Должно быть, для них все это увлечение эпохой очень серьезно. Я оглядываюсь и вижу расписанный узорами сервант, торшер, источающий теплый апельсиновый свет, диван с яркими желтыми подушками, а в углу — телевизор в деревянной коробке. В его выпуклом экране отражается вся комната — он стоит на самом почетном месте. К стене прямо над ним прикреплен

¹ «Hotel California» («Отель Калифорния») — песня группы «Eagles» из одноименного альбома, выпущенного в 1976 году.

Послесловие

Время — забавная штука. Мы все знаем, как оно любит ускользать сквозь пальцы именно тогда, когда нам хочется, чтобы оно продлилось подольше.

Еще немного — чтобы побыть с любимыми, посмаковать сон, посмотреть, как заходит солнце или поднимается луна.

А еще все мы хотя бы раз сидели на уроке, встрече или проповеди, глядя на настенные часы, и думали о том, что, должно быть, они остановились или даже повернули вспять. Все мы хотя бы раз попадали в ловушку времени.

Когда я была моложе, то думала, что впереди у меня — вечность, чтобы начать наконец настоящую жизнь. Мы и не замечаем, как половина жизни проносится в мгновение ока. И только потом понимаем, что она-то и была настоящей, что она — наша и другой не будет. Столько лет мы проводим в ожидании чего-то, а ведь на самом деле могли бы просто жить. Хорошо известно, что в минуты опасности мозг замедляет ход времени — по крайней мере, именно так кажется — и позволяет нам синхронизироваться с пространством, чтобы правильно отреагировать на происходящее, давая шанс избежать столкновения на высокой скорости или в последний момент схватиться за край обрыва.

Я — писательница. Я ловлю чувства и мгновения и переношу их на бумагу, чтобы они жили вечно, воплощенные в словах. Всему виной желание сохранить драгоценные золотые секунды, благодаря которым я чувствую себя человеком. Вся наша индустрия направлена на то, чтобы заставить время остановиться.

Многие современные ученые верят, что момент смерти, мгновенный с точки зрения физики, замедляется в сознании человека, и в мозгу происходит нейрохимическая реакция, которая вызывает галлюцинации. Они могут длиться часами, днями, возможно, даже годами. Мы можем только догадываться, почему это происходит: быть может, это своего

рода анестезия, призванная защитить нас от шока и страха перед смертью. Некоторые люди верят, что в такие мгновения могут увидеть Рай. Или свет в конце тоннеля, ведущего в другую Вселенную.

Мы лишь отчасти понимаем, как время работает в нас самих, а то, как оно работает в механизмах Вселенной, — это нечто такое, о чем мы можем лишь догадываться, прикладывая к нему свод известных нам правил. Чтобы постичь логику энтропии и тот момент, в который зародилась Вселенная и мы сами, нам нужны бессчетные годы, месяцы, дни, часы, минуты и секунды. Или чтобы постичь смысл нашей жизни и то, почему мы не можем вернуть то, что потеряли. Время проходит, ускользает и никогда не возвращается. Пройденное не повторить. Прошрое, настоящее и будущее — вот то, из чего состоит наш мир. Но иногда за всеми этими правилами, теориями и идеями мы забываем, что мы — лишь проекция этого странного и непостижимого места, в котором чудесным образом очутились. И что не мы создали эту Вселенную.

Это Вселенная создала нас.

*Роуэн Коулман,
4 августа две тысячи шестнадцатого года*

Содержание

Пролог	7
7 июля 2007 года	11
8 июля	70
9 июля	112
10 июля	138
11 июля	173
12 июля	236
13 июля	283
Эпилог	313
Послесловие	315

Літературно-художнє видання

КОУЛМАН Роуен
Лист із минулого

Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *М. Г. Шакура*
Відповідальний за випуск *Н. О. Міщенко*
Редактор *Н. С. Дорохіна*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *О. Є. Шишацький*

Підписано до друку 15.09.2017.
Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Newton». Ум. друк. арк. 16,8.
Наклад 3000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а.
E-mail: sop@bookclub.ua

Віддруковано у ПАТ «Білоцерківська книжкова фабрика»
09117, м. Біла Церква, вул. Леся Курбаса, 4
впроваджена система управління якістю
згідно з міжнародним стандартом DIN EN ISO 9001:2000

Литературно-художественное издание

КОУЛМАН Роуэн
Письмо из прошлого

Роман

Руководитель проекта *М. Г. Шакура*
Ответственный за выпуск *Н. А. Мищенко*
Редактор *Н. С. Дорохина*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *А. Е. Шишацкий*

Подписано в печать 15.09.2017.
Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 3000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, просп. Гагарина, 20а.
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПАО «Белоцерковская книжная фабрика»
09117, г. Белая Церковь, ул. Леся Курбаса, 4
внедрена система управления качеством
согласно международному стандарту DIN EN ISO 9001:2000

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Луна та її сестра несподівано втратили матір. Вони отримали передсмертне повідомлення від неї, з якого дізналися, що жінка все життя зберігала одну таємницю. Жорстокий чоловік, імені якого вона не називає, позбавив її честі. І вона народила від нього Луну... Сестри вирішують з'їздити в місто, у якому їхня мати провела юність, щоб більше дізнатися про її життя. Це літо відкриє для них безліч таємниць...

Коулман Р.

К73 Письмо из прошлого : роман / Роуэн Коулман ; пер. с англ. М. Чайковской. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2017. — 320 с.

ISBN 978-617-12-4113-8

ISBN 978-1-78503-241-7 (англ.)

Луна и ее сестра неожиданно потеряли мать. Они получили предсмертное сообщение от нее, из которого узнали, что женщина всю жизнь хранила одну тайну. Жестокий мужчина, имени которого она не называет, лишил ее чести. И она родила от него Луну... Сестры решают съездить в город, в котором их мать провела юность, чтобы больше узнать о ее жизни. Это лето откроет для них множество тайн...

УДК 821.111